7 августа — день памяти Александра Блока

Прощание с Москвой

Моск. правда. — 2001. — 7 авг. — с. 5

Хрестоматийно Александра Блока принято считать поэтом Петербурга. «Когда я думаю о Блоке, когда тоскую по нему, то вспоминаю я не строки, а мост, пролетку и Неву», - писал наш современник - поэт. А я вспоминаю любимые строки праздничного по настроению и самого московского стихотворения Блока «Утро в Москве», написанного в июле 1909 года: «Упоительно встать в ранний час, легкий след на песке увидать. Упоительно вспомнить тебя, что со мною ты, прелесть моя. Я люблю тебя, панна моя, беззаботная юность моя, и прозрачная не[illegible]ость Кремля в это утро - как [illegible]елесть твоя». Интересны и пометки, сделанные в черновике: «На скамейке в Александровском саду. Москва» и «Воробьи проснулись недавно и умываются в песке».

И в день памяти великого поэта я хочу вспомнить, что в Москве получили первое признание стихи петербургского юноши. А поэтическое открытие произошло со случая. Мать Блока в письмах к двоюродной сестре в Москву посылала и стихи Сашуры. Ведь и сын московской родственницы, Сергей Соловьев, тоже пишет стихи. В арбатском доме (ныне Арбат, д. 55) стихи Саши Блока произвели огромное впечатление не только на литературную семью Соловьевых, но и на жившего в доме молодого поэта Бориса Бугаева (Андрея Белого). И вот с Арбата стихи петербургского юноши в списках распространяются по Москве, переписываются... Их читают курсистки, студенты, молодые актеры... И поэзия Блока еще до появления в печати обретает почитателей среди москвичей! Создался в Москве даже кружок «блоковцев»! И сам мэтр московских символистов В. Брюсов предложил Блоку опубликовать большую подборку его стихов в своем альманахе «Северные цветы». Интересно, что Блок пишет Брюсову из Петербурга: «Мне лично тут еще, кроме всего другого, особенно важно, что мои стихи будут помещены в Московском сборнике - оттого, что Ваша Москва чистая, белая, древняя, и я это чувствую с каждым новым петербургским вывертом Мережковских». И цикл стихов о Прекрасной Даме был опубликован в альманахе «Северные цветы» в 1903 году, то есть в год женитьбы Блока на Любови Менделеевой. И это символично, ибо стихи вдохновлены любовью к ней: «Когда я носил в себе великое пламя любви», - признавался поэт.

Первая книга Блока «Стихи о Прекрасной Даме» вышла также в Москве. А вообще за двенадцать лет его работы (с 1904 по 1916 год) в Москве вышло тринадцать книг Блока, а в Петербурге всего - четыре. Понятна поэтому дружеская приязнь Блока к Москве: «Но будет так много хорошего в воспоминании о Москве, что я долго этим проживу. Надеюсь передать и тебе, что могу. Нельзя упускать из виду никогда существование Москвы, всего, что здесь лучшее и самое чистое», - пишет он из Москвы матери. И древнюю столицу порой противопоставляет Петербургу: «В Москве смело говорят и спорят о счастье. Там оно за облачком, здесь - за черной тучей. И мне смело хочется счастья». И с Москвой у Блока связано ощущение юности чувств, радости, чистоты: «В час утра, чистый и хрустальный, у стен Московского Кремля, восторг души первоначальный вернет ли мне моя земля?».

И невольно вспоминается один из самых радостных для Блока и долгих по времени его приездов в Москву в морозном январе 1904 года. Он приехал с молодой женой, и оба были веселые, изящные, распространяющие запах изысканных духов. Они остановились тогда на Спиридоньевке, 6, в квартире двоюродной сестры матери Блока. Блок ближе знакомился с издателями, московскими поэтами, артистами. Успех молодой красивой супружеской пары был ошеломляющий. А Белый в воспоминаниях создал портрет молодого Блока тех счастливых дней: очень статный, высокий, широкоплечий, но с тонкой талией. Поразил и цвет лица - равномерно обветренный, розовый, здоровый.

Москва в тот приезд произвела столь хорошее впечатление на Блока своим радушием, вниманием москвичей, что его часто тянуло в древнюю столицу: «Я бегу на воздух вольный, жаром битвы утомлен... Бейся, колокол раздольный, разглашай весенний звон!». И, может, память о счастливых молодых днях, инстинкт жизни позвали больного Блока в мае 1921 года в дорогу - в Москву. Его сопровождали в поездке К. Чуковский и издатель С. Алянский. Был май, была пасха, было солнечно. Но почитатели поэта были ошеломлены: да Блок ли этот сутулящийся, прихрамывающий и даже опирающийся на палку человек? Лицо землисто-серое, в глазах скорбь, усталость. Где прежняя стать, легкая походка? И всем, видевшим его в эти дни, казалось, что вскоре должно произойти нечто страшное и неотвратимое...

Казалось, душевные и физические силы поэта надломлены. Несмотря на болезнь, Блок много выступал с чтением стихов. Его всюду встречали овацией. Но только в Доме печати на Никитском бульваре, где вход был по членским билетам и недоступен широкой публике, собралась особая аудитория, готовая устроить разнос с их точки зрения отжившему поэту. И Блок это почувствовал. И нельзя без участия к больному поэту и ныне читать отрывки из газетных откликов тех дней на это выступление Блока: «После открытия воцарилось долгое, жуткое молчание. Казалось, Блок ничего не может прочесть и уйдет. Но вот мучительная судорога пробежала по лицу, и он стал читать «Рожденные в годы глухие», перед последней строфой вновь жуткое молчание и тихо, почти шепотом, медленно эти слова: «И пусть над нашим смертным ложем...». Но после выступления произошел скандал. Некоторые бездарные поэты, и среди них Александр Струве, сказали ему в лицо, что «он отжил и внутренне мертв», с чем Блок спокойно соглашался.

Об этом случае вспоминает и Б. Пастернак в очерке «Люди и положения». Интересно, что Маяковский предупредил его, что Блоку в Доме печати готовят разнос и «кошачий концерт». Он предложил Пастернаку вдвоем отправиться в Дом печати, чтобы предупредить задуманную подлость. Но поэты опоздали: они отправились пешком, а Блоку дали автомобиль... Но как о многом говорит это их стремление защитить честь Блока...

А Блок из Дома печати отправился в итальянское общество, которое находилось на Поварской. Интересно, что многие слушатели, возмущенные обвинениями, брошенными Блоку, следовали почтительно за ним, на расстоянии, чтобы не мешать думать. В итальянском обществе Блока встретили радостно, приветливо, и он читал свои стихи «упоительно, как еще ни разу не читал их в Москве: медленно певучим, густым, страдающим голосом», - вспоминали очевидцы-москвичи.

И вот вновь аудитория Политехнического - переполненная аудитория. 9 мая - последнее выступление Блока. Чувствовалось, что поэт устал, обессилен. И он не читал, а скорее вспоминал глухим голосом свою жизнь, словно исповедывался. И последнее стихотворение, которое он прочел: «Я коротаю жизнь мою». Его окружили, студентки дарили ему гроздья белой сирени и ветви цветущих яблонь. Блок вышел, окруженный благоговейными почитателями, на улицу. После вешней грозы вечером волнующе благоухала сирень в Москве. Блок шел, неся вешние цветы, шел печальный, одинокий. А за ним шли любящие его москвичи, ощущая в эти минуты трогательное единение с поэтом и участие к нему, и все понимали и чувствовали, что это - прощание, что это последние проводы. Вернувшись в Петроград, Блок слег и уже более не встал: «Но верю - не пройдет бесследно все, что так страстно я любил, весь трепет этой жизни бедной, весь этот непонятный пыл».

Дилара ЕНИКЕЕВА.